

Иллюстрации Густавино

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

УЛИЦА И МАСТЕРСКАЯ

Дело было 10 июля 1540 года, летосчисления нашего, в четыре часа пополудни, в Париже, близ Университета, у входа в церковь августинцев, возле чаши со святой водой.

Красивый, статный юноша, смуглолицый, с длинными кудрями, большими чёрными глазами, одетый изысканно, но просто и вооружённый лишь небольшим кинжалом, рукоятка которого пленяла чудесной работой, простоял там не шелохнувшись всю вечерню. Он был, надо полагать, охвачен благочестивым смирением: склонив голову, он с набожным видом шептал что-то — без сомнения, молитвы, ибо произносил слова до того тихо, что лишь Господь Бог да он сам понимали их смысл.

Но когда служба подходила к концу, юноша поднял голову, и его соседи расслышали слова, произнесённые вполголоса:

— До чего же мерзко тянут псалмы французишки монахи! Неужели не могут петь получше — ведь она привыкла внимать пению ангелов! Ах, но беда не в этом... вот вечерня и кончилась! Господи, Господи, сделай же так, чтобы сегодня мне повезло больше, чем в прошлое воскресенье! И чтобы она подняла на меня свои очи!

Право, последние слова молитвы были сказаны неспроста: если бы та, к кому они относились, подняла глаза на того, кто говорил, она увидела бы самое очаровательное юношеское лицо, какое только являлось её воображению, когда она зачитывалась дивными мифологическими

сказаниями — в те времена они вошли в моду с лёгкой руки знаменитого поэта Клемана Маро*, воспевшего в стихах любовь Психеи** и смерть Нарцисса***. И в самом деле, незнакомец, одетый в простую тёмную одежду и только что выведенный нами на сцену, отличался, как мы уже говорили, редкостной красотой и удивительным изяществом. Его ласковая улыбка дышала неизъяснимым обаянием, большие глаза, ещё не научившиеся смотреть дерзко, светились такой пламенной страстью, какую, пожалуй, не часто увидишь во взоре восемнадцатилетнего юноши.

Тем временем в церкви с шумом задвигали стульями, что возвестило конец богослужения, и влюблённый юноша (по его словам читатель, должно быть, уже догадался, что мы имеем право так назвать его) — повторяю, влюблённый юноша отошёл в сторону и стал смотреть на толпу, проходившую мимо в молчании, — на важных членов церковно-приходского совета, на почтенных, остепенившихся матрон и миловидных девиц. Но не ради них явился сюда красавец юноша, ибо взгляд

* Маро Клеман (1491—1544) — французский поэт, гуманист эпохи раннего Возрождения. Его сборник «Клеманова юность» (1532 г.) выполнен в традициях ренессансной культуры.

** Психея — в греческой мифологии олицетворение человеческой души; изображалась в виде бабочки или прекрасной девушки. Любовь Психеи и Эроса (Амура) — распространённый сюжет в литературе и изобразительном искусстве.

*** Нарцисс — в греческой мифологии прекрасный юноша, сын речного бога Кефисса. Нарцисс отверг любовь нимфы Эхо и за это был наказан богиней любви Афродитой — он влюбился в собственное отражение в воде и умер, так как не мог отойти от ручья: не отрываясь любовался самим собой. На месте его гибели выросли цветы смерти — нарциссы.

его вспыхнул, ибо кинулся он вперёд лишь в тот миг, когда подошла девушка в белом, а следом за ней — дуэнья*, причём дуэнья из хорошего дома и, судя по всему, весьма учтивая, ещё довольно молодая, весёлая и, честное слово, просто приятной наружности. Когда обе незнакомки приблизились к чаше, юноша зачерпнул воду и с вежливым поклоном предложил её дамам.

Дуэнья присела в реверансе с самой любезной, с самой признательной улыбкой, коснулась пальцев молодого

* Дуэнья — пожилая женщина, воспитательница молодой девушки-дворянки, всюду её сопровождающая и наблюдающая за её поведением.

человека и, к великому его разочарованию, протянула девушке святую воду как посредница, а девушка, невзирая на его горячую молитву, произнесённую несколько минут назад, так и не вскинула глаз, из чего явствовало, что она знала о присутствии красавца юноши.

Когда же она удалилась, красавец юноша, топнув ногой, прошептал:

— И на этот раз она меня не заметила!

Из этого явствовало, что, как мы уже говорили, юноше вряд ли было больше восемнадцати лет.

Но вот его досада улетучилась. Он сбегал с церковных ступеней и увидел, что рассеянная красавица, опустив покрывало и взяв под руку провожатую, пошла направо. Он тоже поспешил повернуть вправо, заметив про себя, что это ему как раз по пути. Пройдя по набережной до моста Сен-Мишель, девушка перешла через мост, что тоже было по пути нашему незнакомцу. Затем она дошла до конца улицы Барийри и направилась к мосту Менял. Всё это оказалось юноше по пути, и он неотступно, точно тень, следовал за нею.

Влюблённый — вот она, тень хорошенькой девушки!

Но увы! У самой тюрьмы Шатле прекрасная звезда, спутником которой стал наш незнакомец, вдруг исчезла, ибо, как только дуэнья постучала, узкая дверь королевской крепости распахнулась будто сама собой и тут же захлопнулась.

Молодой человек опешил, но, когда хорошенькая девушка, внушавшая ему робость, скрылась, проявил решительность и тут же нашёл выход.

Перед воротами королевской крепости Шатле важно расхаживал стражник с пикой на плече. Наш юный незнакомец взял пример с достопочтенного часового и, отойдя в сторону, чтобы не привлекать к себе внимания, но не теряя из виду ворота, с героической отвагой приступил к той караульной службе, которую часто несут влюблённые.

Если читателю доводилось попадать в такое положение, он, должно быть, заметил, что одно из лучших средств скоротать время на часах — это завести разговор с самим собой.

Очевидно, молодой человек привык нести караульную службу, ибо, не успев приступить к делу, он произнёс такой монолог:

— Разумеется, она живёт не здесь. Нынче утром после службы и два последних воскресенья, когда я осмелился проследить за нею лишь глазами — и сваял же я дурака! — она свернула по набережной не направо, а налево, к Нельским воротам и Пре-о-Клер, чёрт возьми! Что ей понадобилось в королевской крепости? Ну что ж, посмотрим. Она пришла проведать узника... наверное, брата. Бедняжка! Как она, должно быть, горюет. Ведь её доброта, конечно, равна её красоте. Тьфу ты, пропасть! До чего же хочется подойти к ней, спросить без обиняков, кто у неё там, и предложить свои услуги! Если узник — её брат, я откроюсь во всём учителю и попрошу у него совета. Ведь учитель бежал из замка Сент-Анж и, стало быть, знает, как выбираются из тюрьмы. Итак, я спасаю её брата. После такой услуги он становится моим закадычным другом и горит желанием отблагодарить меня — человека, который его спас. Я признаюсь, что люблю его сестру. Он нас знакомит, я становлюсь перед ней на колени, и уж тут-то она, разумеется, поднимет на меня свои глазки!

Понятно, куда может унести воображение влюблённого, когда он размышляет. Поэтому молодой человек очень удивился, услышав, что пробило четыре часа, и увидев, что сменился часовой.

Вот новый часовой стал нести караульную службу, а юноша продолжал нести свою. Способ скоротать время оказался таким удачным, что он решил снова им воспользоваться и принялся за монолог, не менее многословный, чем первый:

— Как она прекрасна! Как грациозна её поступь, сколько целомудренного изящества в её движениях, какое точёное лицо! Лишь великий Леонардо да Винчи* и божественный Рафаэль** — только они, да и то, когда талант их был в расцвете, — могли бы воспроизвести образ этого чистого и непорочного создания! О Боже, отчего я гравёр, ваятель, эмалировщик, золотых дел мастер, а не живописец! Впрочем, будь я живописцем, мне не надобно было бы всё время смотреть на красавицу, чтобы создать её портрет. Мне бы беспрерывно мерещились её огромные голубые глаза, дивные белокурые волосы, белоснежное личико, гибкий стан. Был бы я живописцем, я воплощал бы красавицу во всех своих полотнах, как Рафаэль Санти — Форнарину, а Андреа дель Сарто*** — Лукрецию. Хотя её даже сравнивать нельзя с Форнариной! Ну конечно, они недостойны развязывать шнурки на её башмачках! Во-первых, Форнарина...

Не успел юноша закончить сравнение, которое, что вполне понятно, льстило его избраннице, как пробили часы.

Во второй раз сменился дозорный.

— Шесть часов... Просто удивительно, до чего быстро бежит время, — пробормотал юноша. — А если оно бежит так быстро, когда ждёшь её, то как же оно, должно быть, летит, если ты рядом с нею! О, если ты рядом с нею, времени не существует: ведь попадаешь в рай! Был бы я рядом с нею, любовался бы без конца её дивной красотой, и так бы текли часы, дни, месяцы — вся жизнь! О Господи, какая была бы счастливая жизнь!

* Леонардо да Винчи (1452—1519) — итальянский живописец, скульптор, архитектор, учёный, инженер.

** Рафаэль Санти (1483—1520) — итальянский архитектор и живописец, представитель Высокого Возрождения.

*** Андреа дель Сарто (1486—1530) — итальянский живописец, представитель флорентийской школы Высокого Возрождения.

И молодого человека охватил восторг, ибо перед его глазами — глазами художника, словно живая, промелькнула его возлюбленная.

В третий раз сменился часовой.

Во всех приходских церквях пробило восемь часов, стало смеркаться. Судя по всему, и триста лет назад в июле темнело к восьми часам, точь-в-точь как в наши дни; но, пожалуй, удивительно не это, а поразительное постоянство влюблённых XVI века. В те времена всё было основательно: юноши не останавливались на полпути ни в любви, ни в искусстве, ни в ратных делах.

Впрочем, терпение юного ваятеля — ибо теперь мы знаем, чем занимался незнакомец, — было в конце концов вознаграждено. Он увидел, что ворота тюрьмы отворились в двадцатый раз, пропустив ту, которую он ждал. Та же дуэнья шла с ней рядом, а шагах в десяти за ними следовали двое вооружённых стражников. И снова все они зашагали по той же дороге, что и пять часов назад: прошли мост Менял, улицу Барийри, мост Сен-Мишель, набережные и, не доходя шагов триста до церкви Августинцев, остановились в закоулке у массивных ворот, рядом с которыми виднелась калитка. Дуэнья постучалась, и привратник тотчас отворил калитку. Стражники, отвесив глубокий поклон, отправились в обратный путь, к Шатле, а юный ваятель снова застыл перед воротами.

По всей вероятности, он так и простоял бы здесь до самого утра, ибо он уже в четвёртый раз начал строить воздушные замки, но по воле случая на него наскочил какой-то подвыпивший прохожий.

— Эй, приятель! — воскликнул прохожий. — Позвольте-ка, человек вы или столб? Если столб, то стойте на месте, и я вас обойду, а если человек — посторонитесь, дайте дорогу!

— Извините, — произнёс рассеянно молодой человек. — Но я чужеземец, не знаю славного города Парижа и...